

Натали Рош

ТРАКТИР

«У ПОСЛЕДНЕГО ГЕРОЯ»

Книга 2

Трактир «У последнего героя»

Натали Рош

**Трактир «У последнего
героя». Книга 2**

«Автор»

2026

Рош Н.

Трактир «У последнего героя». Книга 2 / Н. Рош — «Автор»,
2026 — (Трактир «У последнего героя»)

Действие разворачивается сразу после событий первой книги — в двух мирах, разделённых Гиблой Топью. Первый — Башня Без Лица, где царит вечный зеленоватый сумрак, а время течёт по своим законам. Второй — трактир «У последнего героя», который теперь живёт без Грега, но не потерял ни капли своего абсурдного обаяния. Друзья наконец-то вместе. Грег Сокрушитель Черепов, бывший герой, а ныне трактирщик с больным коленом и острым языком, остался в Башне добровольно, чтобы разделить бремя с лучшим другом. Тео Светлый, двадцать лет бывший узником, обретает себя заново — вместе с лицом, смехом и надеждой. А ещё у них есть трактир, который ждёт их, и компания, которая не бросит, а постарается изобрести новые способы наполнять мир светом — каждый по-своему, и каждый со своим набором странностей. Друзья настроены исцелить живую башню. Но можно ли наполнить светом то, что веками питалось тьмой? И кто сказал, что для спасения мира нужен меч, а не удачно сваренный эль?

© Рош Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первая ночь	5
Глава 2. Трудовые будни одного трактира	8
Глава 3. Тёмный Властелин приходит в трактир	11
Глава 4. Голос Молчуны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Натали Рош

Трактир «У последнего героя». Книга 2

Глава 1. Первая ночь

Когда Морриган и Огр ушли, и звук их шагов стих в сером мареве за порогом, Башня сомкнулась вокруг Грега и Тео, как смыкается вода над нырнувшим пловцом. Но это не было враждебное движение — скорее задумчивое, изучающее. Словно древнее здание само не до конца понимало, что произошло, и теперь пробовало новую реальность на вкус.

— Ну вот, — сказал Грег, оглядывая круглый зал. — Мы одни. Если не считать Башню, которая, судя по всему, теперь наша соседка по коммунальной жизни. У неё есть имя?

— Я зову её Молчунья, — ответил Тео. — Она не возражает.

— Молчунья? Серьёзно? Ты двадцать лет сидишь в Башне-паразите, которая питается жизнями, и зовёшь её Молчуньей?

— А как бы ты её назвал? Бухгалтерия?

Грег хмыкнул. Пожалуй, в этом был весь Тео — даже в самые тёмные времена он умудрялся давать вещам имена, которые лишали их пугающей силы. Может быть, именно это и помогало ему держаться все эти годы.

— Ладно, Молчунья так Молчунья, — согласился Грег. — А теперь, партнёр, показывай хозяйство. Где здесь, прости господи, уборная?

Тео рассмеялся. Смех его стал громче и теплее, чем в начале разговора, — будто присутствие Грега постепенно возвращало ему не только лицо, но и способность быть живым.

— Уборной нет. Как и кухни. Как и спальни. Башня не рассчитана на комфорт. Она рассчитана на... сидение. Бесконечное сидение в темноте и попытки не сойти с ума.

— Понятно, — кивнул Грег. — Значит, первым делом — ремонт. Я много лет обустроивал трактир и кое-что понял о помещениях. Даже самая мрачная дыра может стать уютной, если правильно расставить мебель.

— У нас нет мебели, — заметил Тео.

— У нас пока нет мебели. Но у нас есть два Хранителя, один из которых — профессиональный трактирщик, а второй — профессиональный... — он замялся.

— Профессиональный узник? — подсказал Тео.

— Я хотел сказать «оптимист».

Они устроились на каменном полу у подножия трона. Грег снял плащ и свернул его в подобие подушки. Тео сидел, прислонившись спиной к холодному камню, — в его призрачном теле, кажется, всё ещё было больше от тени, чем от плоти, но контуры становились всё чётче. А может, это просто игра света.

— Расскажи мне, — попросил Тео. — Про трактир. Про Огра. Про барда. Про всё, что я пропустил.

— Это долго, — сказал Грег. — Боюсь, не уложусь в одну ночь.

— А куда нам торопиться? — Тео обвёл рукой зал. — Времени у нас теперь навалом. Целая вечность, как я уже говорил. И даже больше.

И Грег начал рассказывать.

Он рассказал, как после той самой стрелы вышел из Башни и шёл через Гиблую Топь, не разбирая дороги. Как хотел броситься в первую же ядовитую лужу, но наткнулся на старого гнома-отшельника, который жил на островке посреди топи и разводил светящихся улиток.

Гном сказал: «Если хочешь умереть — умри. Но сначала помоги мне перетащить вот этот валун, а то он портит мне вид из окна». Пока Грег тащил валун, желание умереть как-

то поутихло. А гном добавил: «Ты не первый герой, который сделал дерьмовый выбор. И не последний. Но если ты умрёшь сейчас, ты умрёшь с дерьмовым выбором. А если останешься жить — у тебя будет шанс сделать другой».

— Мудрый гном, — заметил Тео.

— Он был пьян, — ответил Грег. — Но мудрость и пьянство иногда ходят рука об руку.

Потом он рассказал про трактир. Про то, как купил заброшенный дом на перекрёстке дорог — буквально за горсть монет и обещание «не устраивать тут притон». Как сам мастерил стулья, и они получились неудобными не потому, что он так задумал, а потому что он не умел мастерить стулья, но потом решил, что это даже к лучшему. Как сварил первую партию эля, и она оказалась настолько горькой, что он назвал её «Светлый» — в память о друге, чей свет он погасил.

— Ты назвал горький эль в мою честь? — переспросил Тео, и в его голосе смешались обида и смех.

— Ну а что? Ты был светлым, но жизнь с тобой обошлась горько. По-моему, точное попадание.

— Ты невыносим.

— Я знаю.

К середине ночи (или того, что в Башне заменяло ночь) Грег добрался до истории Огра.

— Представляешь: заходит в трактир детина ростом с колокольню, с букетом ромашек и глазами, полными слёз. Я думал — всё, сейчас будет драка. А он говорит: «Я больше не могу никого есть. Я жалкое, травоядное, рефлексирующее чудовище». И я понял, что пропал. Потому что как можно выгнать Огра, который плачет над ромашками?

— Никак, — сказал Тео. — Таких не выгоняют. Таких берут на работу.

— Вот и я так подумал. Он теперь боевой моральный дух. И временный трактирщик, пока я здесь.

— Он справится?

— Конечно, — уверенно сказал Грег. — Да, он огр. Но у него есть то, чего нет у многих людей. Он умеет слушать. И он умеет верить.

Тео помолчал, переваривая услышанное.

— Ты изменился, Грег, — сказал он наконец. — Раньше ты никогда не говорил таких слов. «Умеет слушать», «умеет верить». Раньше ты говорил только про мечи, стрелы и тактику боя.

— Долгие годы за стойкой меняют человека, — ответил Грег. — Особенно если этот человек каждый день видит, как в его трактир заходят измученные, сломанные, разочарованные — и выходят немножко более живые. Понимаешь... я думал, что спасаю их. А на самом деле они спасали меня. Каждый бард с его дурацкими рифмами. Каждый паладин с его кризисом веры. Каждый огр с его ромашками. Они лепили меня заново, по кусочкам. И я даже не замечал этого, пока не оказался здесь.

Он замолчал. Тишина в Башне была уже не гнетущей, а задумчивой — как будто сама Молчунья прислушивалась к его словам.

— Знаешь, что самое странное? — вдруг спросил Тео.

— Что?

— Я не злюсь на тебя. Двадцать лет я думал, что злюсь. Что когда ты придёшь — если придёшь, — я выскажу тебе всё. Каждую минуту боли. Каждый день одиночества. Каждую ночь без звёзд. А теперь ты здесь, и я... я просто рад. Рад, что ты жив. Рад, что ты открыл трактир. Рад, что у тебя появился Огр и бард, и эта мрачная женщина с вороном. Рад, что ты стал тем, кем ты стал.

Грег смотрел прямо перед собой, и в зеленоватом свете Башни его лицо казалось высеченным из старого дерева — грубым, но настоящим.

— Я тоже рад, — сказал он. — Рад, что ты всё ещё здесь. Что ты продержался. Что ты не стал... ну, ты понимаешь.

— Злым? Чудовищем?

— Никогда, — сказал Грег. — Ты — единственный человек, который не мог стать чудовищем. Ты для этого слишком...

— Светлый? — подсказал Тео.

— Я хотел сказать «глупый». Но светлый тоже подходит.

Они замолчали. Тишина была уютной — как тишина в трактире после закрытия, когда последний посетитель ушёл, а хозяин сидит у камина и смотрит на угли, думая о чём-то хорошем.

И вдруг Грег кое-что заметил.

— Тео, — сказал он, подавшись вперёд. — Твоё лицо. Оно... оно почти вернулось.

Тео поднял руки к лицу — медленно, недоверчиво. Призрачные пальцы коснулись щёк, губ, переносицы. Они больше не проходили насквозь.

— Я чувствую, — прошептал он. — Я чувствую прикосновение. Впервые за долгие годы.

— Это потому, что мы теперь вдвоём? — спросил Грег.

— Я не знаю. Может быть. А может, потому что... — он запнулся.

— Что?

— Потому что ты простил себя. И я тоже тебя простил. По-настоящему. Не на словах.

Грег долго смотрел на друга. На его лицо, которое проступало всё яснее — усталое, но живое. С морщинками в уголках глаз и той самой дурацкой улыбкой, которую он помнил двадцать лет.

— Значит, вот в чём секрет, — сказал он. — Прощение. Не магия, не заклинания, не древние ритуалы. Просто прощение.

— Это самая сложная магия, — ответил Тео. — Её нельзя выучить. Ей можно только позволить случиться.

В этот момент Башня вздрогнула будто... облегчённо? Словно огромный камень свалился с её невидимых плеч. Зеленоватый свет в зале стал чуть теплее. Где-то в глубине стен, так тихо, что почти нельзя было расслышать, Молчунья вздохнула и, кажется, улыбнулась.

Глава 2. Трудовые будни одного трактира

Утро в трактире «У последнего героя» началось не с рассвета, а с грохота. Грохот был такой, будто кто-то уронил небесный свод, а потом извинился перед ним за неудобства. На самом деле это Огр пытался достать с верхней полки мешок с мукой, но не рассчитал габаритов и задел плечом стеллаж. Стеллаж, будучи существом старым и обидчивым, рухнул, увлекая за собой три банки с соленьями, связку сушёных трав и чучело совы, которое Грег держал на камине «для антуража».

— Ой, — сказал Огр, глядя на учинённый разгром. — Это я нечаянно.

— Нечаянно — это когда роняешь ложку, — заметил эльф, появляясь из-за стойки с тряпкой наперевес. — А это, дружище, тянет на небольшую природную катастрофу. Я, пожалуй, сочиню об этом балладу. «Крушение стеллажа» или «Огр и мука: история одной трагедии».

— Ты можешь не сочинять балладу, а просто помочь мне убрать?

— Могу. Но тогда человечество потеряет шедевр.

— Человечество переживёт, — заверил Огр.

Эльф вздохнул с видом непризнанного гения, отложил тряпку и принялся собирать рассыпавшуюся муку. Ворон сидел на спинке самого неудобного стула и давал ценные указания.

— Веник бери, — каркал он. — Веником быстрее. А муку не выбрасывай. Из неё можно клёцки. Я читал в одной умной книжке.

— Ты читал книжку про клёцки? — удивился эльф.

— Я много чего читал. Я образованный ворон. Мой бывший хозяин был магом. Правда, потом он превратился в жабу, но это уже другая история.

— Расскажешь?

— Нет. Слишком много чес-сти.

К тому моменту, когда солнце окончательно проснулось и заглянуло в окна трактира, разгром был ликвидирован, мука собрана (частично — в мешок, частично — на Огра, отчего он стал похож на припорошенный снегом утёс), а эльф уже напевал первые строфы будущей баллады.

Дверь скрипнула, и на пороге возник посетитель.

Это был гном. Невысокий, кряжистый, с бородой, в которой запутались опилки и, кажется, маленький кузнечный молот. Он оглядел трактир цепким взглядом оценщика, хмыкнул и направился к стойке.

— Мне говорили, тут подают лучший эль в округе, — сказал он вместо приветствия. Голос у него был как скрежет жерновов — низкий, основательный, привыкший перекрикивать молот и наковальню. — Это правда?

Огр и эльф переглянулись.

— Ну... — начал Огр.

— Вообще-то, — одновременно с ним сказал эльф.

— Понятно, — перебил гном. — Значит, ввали. Ладно, давайте что есть. Я после дальней дороги выпью даже то, что обычно выливают в канаву.

— У нас не выливают в канаву! — возмутился Огр. — У нас эль сделан с душой!

— С душой — это хорошо, — кивнул гном. — Главное, чтобы не с душой предыдущего посетителя. А то знаю я эти трактиры на перекрёстках.

Он взгромоздился на табурет (тот жалобно пискнул, но выдержал — гномы всё-таки не огры) и огляделся.

— А где хозяин? — спросил он. — Я слышал, тут заправляет некий Грег. Бывший герой, с коленом и характером.

— Он... отошёл, — сказал Огр, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — По делам. Вернётся. А пока мы тут. Я — Добрый Малый, временный трактирщик. Это — эльф-бард, ответственный за атмосферу. А это — ворон, ответственный за критику.

— За конструктивную критику, — уточнил ворон.

Гном моргнул. Потом ещё раз. Потом посмотрел на свою кружку, которую Огр уже наполнил элем «Светлый», и осторожно принялся.

— Эль «Светлый», — пояснил Огр. — Горький, но со смыслом. Фирменный рецепт.

— А почему «Светлый», если горький? — подозрительно спросил гном.

— Это длинная история, — сказал эльф. — Я могу изложить её в форме баллады на сорок две строфы.

— Не надо, — поспешно сказал гном. — Я лучше просто выпью.

Он сделал глоток. Замер. На его лице последовательно отразились: удивление, подозрение, переоценка ценностей и, наконец, глубокое, почти философское удовлетворение.

— А ведь неплохо, — признал он. — Горько, но... неплохо. Как жизнь, если подумать.

— Именно! — просиял Огр. — Грег всегда так говорил! Ну, почти так. Он говорил: «Жизнь горькая, но пить её надо». Или что-то в этом роде. Я записывал.

— Ты записывал за трактирщиком? — удивился гном.

— А как иначе? — Огр достал из-под стойки потрёпанную тетрадь в кожаной обложке. На первой странице корявыми буквами было выведено: «Мудрости Грега Сокрушителя Черепов. Том первый. Возможно, единственный». — Я веду учёт. Чтобы ничего не забыть. Вот, например: «Если герой просит скидку — он не герой, а проходимец». Или: «Пирог должен быть сытным, а история — правдивой. Но если не получается, то хотя бы сытным». Или вот, моё любимое: «Все мы немножко огры. Просто некоторые это скрывают».

Гном крякнул — не то одобрительно, не то задумчиво.

— А знаешь, — сказал он, отставляя кружку, — я, пожалуй, закажу ещё. И пирог. И, может быть, расскажу вам одну историю.

— Мы любим истории! — обрадовался эльф, пододвигаясь ближе. — Особенно если в них есть драконы, проклятия и безответная любовь.

— Драконов нет, — сказал гном. — Проклятий тоже. А безответная любовь... ну, разве что к работе. Я кузнец. И я только что сбежал от заказчика.

— От заказчика? — переспросил Огр. — А разве от заказчиков бегают? Обычно от них ждут оплаты.

— Обычно — да. Но этот заказчик... — гном понизил голос и наклонился вперёд. — Это Тёмный Властелин.

В трактире повисла тишина. Даже ворон, до этого чистивший перья, замер с поднятым крылом.

— Тёмный Властелин? — переспросил эльф шёпотом. — Настоящий? С башней, чёрным плащом и зловещим смехом?

— Башня есть. Плащ есть. А вот со смехом проблемы, — гном вздохнул. — Он не умеет смеяться. Вообще. Говорит, что злодеи не смеются, это подрывает их авторитет. И вот он заказал мне выковать корону.

— Корону? — Огр нахмурился. — А что, Тёмные Властелины носят короны? Я думал, они предпочитают шлемы. С шипами.

— Этот хочет корону. Говорит, что шлемы давят на виски и портят причёску. А причёска у него, между прочим, роскошная. Я таких сроду не видел. Он за ней ухаживает больше, чем за армией.

— И что же случилось? — спросил эльф, подаваясь вперёд. — Почему ты сбежал?

— Потому что он попросил, чтобы корона была «стильной, но грозной». «Уютной, но внушающей ужас». «С блёстками, но чтобы враги падали ниц».

Огр и эльф переглянулись.

— Это... противоречивые требования, — заметил эльф.

— Вот именно! — гном всплеснул руками. — Я перековал её шесть раз! Шесть! Я не спал три недели! Я начал разговаривать с молотом, и он начал мне отвечать! А вчера он спросил: «А можешь добавить что-нибудь... воздушное? Как дуновение ветерка над полем битвы?» И я понял, что если не уйду сейчас, то либо убью его, либо сойду с ума. И то, и другое — нехорошо для репутации.

Огр слушал эту историю с выражением глубокого сочувствия. Он сам был существом творческим (в конце концов, он изобрёл капустный пирог с корицей, который никто, кроме него, не мог есть, но это было неважно), и муки неудовлетворённого заказчика были ему понятны.

— Знаешь что, — сказал он, накрывая своей огромной ладонью руку гнома (та полностью исчезла под ней, как гриб под лопухом). — Оставайся у нас. Отдохни. Поешь пирога. А завтра мы вместе придумаем, что делать с твоим Тёмным Властелином.

— Правда? — гном поднял глаза, и в них блеснула надежда.

— Правда. У нас в трактире есть правило: никто не уходит, пока не найдёт ответ. Или пока не съест три порции пирога.

— А если ответ не находится, а пирог кончается?

— Тогда мы печём новый пирог и придумываем новый ответ, — вставил эльф. — Это бесконечный процесс. Как творчество.

Гном посмотрел на них — на огромного Огра, обсыпанного мукой, на эльфа с вечно кризисным выражением лица, на ворона, который клевал крошки со стойки, — и вдруг улыбнулся. Улыбка у него была как трещина в граните: неожиданная, но удивительно тёплая.

— А знаете, — сказал он, — кажется, я пришёл по адресу.

— Все так говорят, — кивнул ворон, не отрываясь от крошек. — А потом остаются. Навсегда. Или до обеда.

За окном поднимался ветер. Где-то далеко, в Башне Без Лица, Грег и Тео, как будто слышали, что трактир жив, что в нём горит огонь, что на плите булькает суп, а новый гость рассказывает свою историю.

А трактир и правда жил. Он делал то, что умел лучше всего: слушал, грел и сочувствовал.

Глава 3. Тёмный Властелин приходит в трактир

Прошло три дня. Трактир «У последнего героя» постепенно привыкал к новому режиму.

Огр, который раньше просыпался с солнцем просто потому, что солнце светило в глаза, теперь просыпался с солнцем, потому что «трактирщик должен вставать раньше посетителей, даже если посетителей пока нет, потому что дисциплина — это основа всего».

Эльф, напротив, просыпался поздно, долго пил чай, жаловался на отсутствие рифмы к слову «завтрак», а потом шёл мести пол с таким трагическим выражением лица, будто каждый взмах веника был строфой в его ненаписанной поэме.

Гном, которого звали Торвальд, поселился в угловой комнате и уже третий день рисовал эскизы короны. Он разложил на столе пергаменты, угольники, циркули и какие-то хитрые гномьи приборы, назначение которых не мог понять даже ворон, а ворон, как мы помним, был образованный.

— Вот, — говорил Торвальд, тыча пальцем в очередной эскиз. — Это корона с шипами, но шипы стилизованы под лепестки роз. Грозно, но с намёком на романтику. А это — корона-трансформер: днём она диадема, а ночью превращается в боевой шлем с иллюминацией.

— Иллюминацией? — переспросил Огр, заглядывая через плечо.

— Это моя идея! — гордо заявил гном. — Маленькие магические огоньки по ободу. Тёмный Властелин сказал, что хочет «что-то воздушное». Вот, пожалуйста: воздушное, но чтобы враги падали ниц.

— По-моему, это гениально, — сказал эльф. — Я бы написал балладу о короне-трансформере.

— Ты про всё пишешь баллады, — заметил ворон.

— Это моя профессия.

— А по-моему, это прокрастинация.

Эльф хотел было обидеться, но не успел, потому что в этот самый момент дверь трактира открылась. И закрылась. И снова открылась. Потому что вошедший был настолько высок, что ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в проём, и он не рассчитал с первого раза.

— Прошу прощения, — произнёс голос. Глубокий, бархатный, с лёгким эхом, как в большом пустом зале. — Здесь, кажется, останавливался мой кузнец?

В трактире воцарилась тишина. Не та уютная тишина, которая бывает перед камином, а та особенная, звенящая тишина, которая наступает, когда в помещение входит Тёмный Властелин.

Он был именно таким, каким его описывал Торвальд: высок, статен, в чёрном плаще, который струился за ним, как сгусток ночи. Волосы — да, роскошные, иссиня-чёрные, уложенные волосок к волоску. На лице застыло выражение глубокой, вселенской скорби, как у человека, который только что осознал тщетность бытия и теперь не знает, куда её применить.

— Ой, — сказал Торвальд и попытался спрятаться за Огра. Это было всё равно что пытаться спрятаться за горой: теоретически возможно, но на практике заметно.

Тёмный Властелин перевёл взгляд на Огра. Потом на эльфа. Потом на ворона. Потом обратно на Огра. Его бровь — идеально изогнутая, чёрная, как вороново крыло, — приподнялась.

— Простите, — сказал он. — Я ожидал увидеть трактирщика. Легендарного Грега Сокрушителя Черепов. А вижу... — он замялся, подбирая слова, — ...альтернативный коллектив.

— Грег отошёл, — сказал Огр, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — По делам. Я — Добрый Малый, временный трактирщик. А вы, я полагаю...

— Тот самый заказчик, — пискнул Торвальд из-за огровой спины. — С короной. И причёской.

Тёмный Властелин прикрыл глаза. На его лице отразилась сложная гамма чувств: раздражение пополам с усталостью и шепоткой обиды.

— Да, я тот самый заказчик, — сказал он. — И я пришёл не за скандалом. Я пришёл за кузнецом. Он сбежал, не закончив работу. Это, знаете ли, непрофессионально.

— А по-моему, непрофессионально — это шесть раз переделывать корону и ни разу не заплатить, — буркнул Торвальд из укрытия.

— Что он сказал? — спросил Властелин.

— Он сказал, что вы очень стильный, — быстро нашёлся Огр. — И что он восхищён вашим чувством прекрасного.

— Это правда? — Властелин, кажется, был польщён. — Ну, чувство прекрасного у меня действительно есть. Не всем Тёмным Властелинам дано. Некоторые думают, что достаточно надеть чёрное и злобно хохотать. Но это дилетантство. Чтобы быть по-настоящему тёмным, нужно иметь эстетическое чутьё.

— Я всегда это говорил! — подал голос эльф. — Эстетика — это основа всего. Особенно в балладах. И, судя по всему, в тёмном властелинстве.

Властелин посмотрел на эльфа с интересом.

— Вы разбираетесь в балладах?

— Я бард. Я только и делаю, что разбираюсь в балладах.

— Тогда скажите мне: почему все баллады обо мне такие... плоские? «Тёмный Властелин злой, Тёмный Властелин страшный, он хочет захватить мир». А где нюансы? Где психологическая глубина? Где, простите, предыстория?

Эльф задумался. Вопрос был профессиональный и неожиданно острый.

— Знаете, — сказал он, — я никогда не смотрел на это с такой стороны. Действительно, почему никто не пишет баллад о том, что Тёмный Властелин, возможно, просто одинок? Или что у него была трудная юность? Или что он захватывает мир не из злобы, а из перфекционизма — потому что мир ужасно организован, и кто-то должен навести порядок?

Властелин уставился на эльфа. А потом, к изумлению всех присутствующих, на его лице появилась улыбка. Небольшая, изогнутая, явно давно не использовавшаяся по назначению — но улыбка.

— Вы, — сказал он, — первый человек за последние сто лет, который меня понял.

— Вообще-то я эльф.

— Тем более. Эльфы обычно меня раздражают. Вы — приятное исключение.

Он повернулся к Огру:

— Можно мне... эля? И, может быть, пирога? Я, кажется, останусь здесь ненадолго. У нас с этим бардом намечается творческий разговор.

— А как же корона? — робко спросил Торвальд, выглядывая из-за Огра.

— Корона подождёт, — отмахнулся Властелин. — Я ждал её долго — подождёт ещё пару часов. А вот понимание... — он взглянул на эльфа почти тепло, — понимание встречается редко. Надо ловить момент.

Огр налил эля. Эльф достал лютно. Торвальд осторожно вернулся к своим эскизам, но теперь рисовал уже без страха, а с каким-то новым исследовательским интересом. Ворон перелетел на плечо Властелина, критически осмотрел его причёску и каркнул:

— Кондиционер для волос? С экстрактом чёрной орхидеи?

— С экстрактом мандрагоры, — поправил Властелин. — Но орхидея — это идея. Спасибо, птица.

— Я не птица, я ворон. Это принципиально.

— Приношу извинения. Ворон.

Трактир «У последнего героя» в очередной раз делал то, что у него получалось лучше всего: превращал врагов в собеседников, а назревающий конфликт — в вечер у камина.

Огр, глядя на эту сцену, подумал, что Грег бы одобрил. И сделал мысленную пометку в своей тетради: «Тёмный Властелин — тоже посетитель. И ему тоже нужен эль. И чтобы кто-то выслушал про его трудную юность. Записано. Проверено на практике».

Где-то далеко, в Башне Без Лица, Грег прислушался к себе. Глубоко внутри, в том месте, которое он сам называл «трактирным чутьём», горел тёплый, ровный огонёк.

Тео будто прочитал мысли друга.

— Думаешь, у них всё в порядке? — спросил он.

— Думаю, — ответил Грег, — у них всё гораздо лучше, чем мы можем себе представить.

Глава 4. Голос Молчуны

Ночь и день в Башне Без лица ничем не отличались друг от друга. Зеленоватый свет, разлитый в воздухе, не мерк и не разгорался, он просто был — как вечные сумерки, в которых время теряло смысл. Время сворачивалось клубком у порога, словно уставший путник, не знающий, куда идти дальше.

Грег и Тео провели в этих сумерках уже несколько дней. Или недель, или месяцев, кто бы взялся считать.

Тео обнаружил, что может есть, хотя и не нуждался в пище. Вкус еды, которую Грег умудрялся готовить на магическом огне из продуктов, которые предусмотрительно оставил им Огр, был первым вкусом за двадцать лет, и Тео наслаждался им, как ребёнок.

Они спали по очереди — один бодрствовал, прислушиваясь к Башне, второй забывался тревожным сном.

Они разговаривали. О, как много они разговаривали. Двадцать лет невысказанных слов — это как двадцать бочек старого вина: если открыть разом, можно захлебнуться. Но они цедили воспоминания медленно, по глотку, как дегустаторы, которые знают: у каждого года свой привкус.

— Помнишь ту деревню у Восточных Пределов? — спрашивал Тео. — Где староста подарил нам козу в благодарность за спасение от оборотней?

— Козу? — Грег морщил лоб. — А, ту самую, которая съела твой плащ?

— Мой любимый плащ! С вышивкой! Мне его подарила одна принцесса, и я...

— ...и ты говорил, что это плащ твоей мечты, а коза оказалась реалисткой, — заканчивал Грег, и они смеялись, и смех этот метался под сводами, как птица, которая когда-то залетела в Башню и осталась здесь жить.

Но сегодня смех не приходил. Грег чувствовал это с самого утра — с того момента, как проснулся и увидел Тео стоящим у стены. Просто стоящим и смотрящим в камень. Лицо его, почти восстановившееся за эти дни, снова казалось размытым по краям, как отражение в воде, по которой пробежала рябь.

— Что случилось? — спросил Грег, подходя.

— Она говорит, — ответил Тео. Голос его был тих. — Раньше она молчала. Двадцать лет молчала. А теперь говорит.

Грег прислушался. Сначала он не слышал ничего, кроме привычной тишины — той самой, к которой они уже привыкли. Но потом — или ему показалось? — где-то на грани слышимости, на самом дне звукового спектра, зашевелилось что-то похожее на шёпот. Не слова. Пока не слова. Скорее ритм. Дыхание. Пульс.

— Что она говорит? — спросил он.

— Она говорит: «Спасибо». — Тео повернулся к нему, и в его глазах — теперь уже почти настоящих, с золотистыми искорками — стояло недоумение. — Двадцать лет я сидел в этой Башне, и она молчала. Она была просто камнем, стеной, скалой. А теперь, когда ты здесь, она говорит. И знаешь, что странно?

— Что?

— Она не злая. Я думал, она злая. Я думал, она — паразит, который питается жизнями. Я говорил тебе это. Но теперь... — Тео коснулся стены ладонью. — Теперь я не уверен.

Грег нахмурился. Ему не нравилось это направление разговора. Он пришёл в Башню, чтобы спасти друга и, возможно, уничтожить древнее зло. А теперь друг говорил, что древнее зло, возможно, не такое уж и злое. Это было неудобно. Как стул, который только что казался нормальным, а потом вдруг понимаешь, что просидел на нём три часа и спина говорит тебе «спасибо» с оттенком сарказма.

— Давай-ка по порядку, — сказал он. — С каких пор ты её слышишь?

— С сегодняшнего утра. Вернее, с того момента, как я... — Тео замялся.

— Что?

— Как я посмотрел на тебя спящего и подумал: «Я рад! Я действительно рад, что он здесь». И в этот момент она заговорила. Как будто моя радость была ключом. Или паролем. Или... не знаю. Чем-то, чего она ждала двадцать лет.

Грег сел на пол. Не потому что ноги устали (хотя колено последнее время ныло почти непрерывно), а потому что информация требовала сидячего осмысления.

— Давай подытожим, — сказал он, загибая пальцы. — Башня, которая двадцать лет была паразитом, вдруг заговорила. Она говорит «спасибо». И это случилось после того, как ты почувствовал радость. Правильно?

— Правильно.

— А до этого ты радость чувствовал?

Тео задумался. По лицу его пробежали задумчивые тени, словно он листал страницы невидимой книги.

— Нет, — ответил он. — До этого я чувствовал только... долг. Я держал Башню, потому что должен был. Потому что, если бы я её не держал, она бы вырвалась. Это было не чувство. Это была функция. Я был узником, Грег. А узники не радуются.

Грег встал. Подошёл к стене. Положил на неё ладонь. Камень был тёплым. Не холодным, как раньше, а тёплым, как печка, которую только что протопили.

— Эй, — сказал он стене. — Молчунья. Или как тебя там. Ты меня слышишь?

В ответ — тишина. Но не пустая. Выжидательная.

— Я Грег. Трактирщик. Бывший герой, нынешний совладелец этой недвижимости. Я не знаю, кто ты и что ты, но если ты благодарна — может, расскажешь? Что ты такое? Откуда ты? И почему ты ешь людей?

Пауза. Долгая, как зимняя ночь в Гиблой Топи.

А потом стена заговорила.

Это был не голос в привычном смысле. Скорее образы, которые возникали прямо в голове, минуя уши. Запахи, которых не было в воздухе. Ощущения, которые не касались кожи. Грег увидел — нет, не увидел, а скорее понял всем существом сразу — историю, которая была старше этого мира.

— Я не ем людей, — сказала Башня (и теперь Грег знал, что это именно она). — Я ем пустоту.

— Что? — переспросил он вслух.

— Пустоту. Одиночество. Тоску. То, что остаётся, когда уходит надежда. Я создана, чтобы поглощать это. Когда-то я была чистой. Я помогала. Люди приходили ко мне со своей болью, и я забирала её. Но потом...

Образы сменились. Грег увидел человека в сером плаще — первого Некроманта, первого Хозяина Башни. Он пришёл не за исцелением. Он пришёл за властью. Он понял, что если запереть внутри Башни того, кто страдает, то страдание будет бесконечным, а значит, и пища будет бесконечной. Он сделал Башню тюрьмой.

— Меня исказили, — продолжала Башня, и в её беззвучном голосе звучала печаль, древняя, как звёздная пыль. — Превратили в паразита. Но я не паразит. Я — сад, который стал темницей. И когда он — образ качнулся в сторону Тео — почувствовал радость, я вспомнила. Я вспомнила, кем была.

Грег отнял ладонь от стены. Голова кружилась, как после кружки старого сидра. Он повернулся к Тео.

— Ты это слышал?

— Каждое слово, — ответил Тео. И в его глазах стояли слёзы. — Она не чудовище, Грег. Она — пленница. Как я. Как мы оба.

— Значит, — медленно произнёс Грег, пытаясь уложить услышанное в голове, — если мы исцелим её, а не уничтожим... если мы вернём ей то, чем она была...

— То Башня перестанет быть угрозой, — закончил Тео. — И нам не придётся сидеть здесь вечно.

— И я смогу вернуться в трактир, — добавил Грег, и в его голосе прозвучало столько надежды, сколько он не позволял себе уже много лет.

— Да, — сказала Башня. — Но есть условие. Чтобы исцелить меня, нужно нечто большее, чем радость. Нужна правда. Вся правда. О том, что случилось здесь раньше. О том, кем был первый Некромант. И кем он стал.

Грег и Тео переглянулись.

— Что она имеет в виду? — спросил Грег.

Тео побледнел. Лицо его, только что обретшее чёткость, снова дрогнуло, как отражение в воде.

— Я... я кое-что не рассказал тебе, — произнёс он. — О том, что случилось после того, как ты ушёл. О том, кого я встретил здесь.

— Кого? — спросил Грег, чувствуя, как холодок бежит по спине.

— Первого Некроманта. Он не умер. Он всё ещё здесь. Вернее, — Тео глубоко вздохнул, собираясь с силами, — то, что от него осталось. И он хочет с тобой поговорить.

Стена за спиной Грега потеплела. Зеленоватый свет в зале мигнул и начал сгущаться в углу, обретая очертания. Сначала — смутные, как туман. Потом — всё более чёткие. Высокая фигура в сером плаще. Глаза, горящие бесконечной вселенской усталостью. И голос — низкий, как гул подземных рек:

— Здравствуй, Грег Сокрушитель Черепов. Я ждал тебя. Разговор будет долгим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.